

— Устраивайтесь поудобнее и не выдумывайте! Да, я действительно возвращаюсь с работы. Ремонтирую здесь в подворотне, недалеко от площади Ленина, мелочь разную, жить-то на что-то надо. А когда-то был уникальным слесарем-универсалом на Кировском заводе, как мой отец, и дед, и прадед. Нет больше рабочих династий, все дворянские да купеческие корни выискивают. Так роют, что вон весь Кировский завод растащили. До Первой мировой войны на Путиловском почти тридцать тысяч рабочих было, мы были огромная силища, все революции начинали. В девяносто первом значилось почти семьдесят тысяч человек, а сейчас всего три тысячи. Всех нас в канализацию слили, а завод растащила по карманам кучка буржуев, сынки которых на Невском в кабаках да по заграницам те денежки от растаскивания и спускают. Они думают, умер рабочий класс, спились все или в бомжей бесхребетных превратились, а мы живы, и наша генетическая революционная память тоже жива! — сначала спокойно и просто, а потом все

громче и яростнее говорил старый рабочий Кировского завода.

— У нас, думаешь, на ЛМЗ лучше? Чиновники и менты жируют, а я матери зубы вставить не могу — денег нет, — зло поддерживал разговор чернявый дядька лет пятидесяти.

— Твоя мать без зубов, а моя почти ослепла на оба глаза, операцию делать надо, а где денег взять, если ее пенсии да моей «зряплаты» хватает только на оплату коммуналки да хлеба с молоком, — с ненавистью вклинилась в разговор полная женщина с авоськой в руке, из которой и шел тот злополучный селедочный запах.

— А мой...

— А моя...

— Взятки кругом вымогают...

— В блокаду при фашистах голодали, и сейчас старики...

Весь автобус ругался яростно и обиженно на глухую власть, взяточников, чиновников и полицию, непреодолимые обстоятельства и слякотную, мерзкую жизнь. Это был другой Санкт-Петербург, тот, который не видят и не хотят знать праздные туристы. Наконец автобус подошел к нашей

остановке, и мы вышли на улице Замшина, застроенной типичными девятиэтажными домами, что в конце семидесятых пришли на смену хрущевским пятиэтажкам.

Сколько счастливых дней своего детства и юности провела я здесь. Оглядевшись во круг, я испытала чувство некой шемящей горечи: так бывает при встрече с горячо любимым ранее человеком, когда видишь, насколько он изменился и постарел. Дома обветшали, скукожились, глубокие морщины-трещины покрывали их фасады и были замазаны черным герметиком. Места бывших волейбольных и хоккейных площадок, беседок и качелей, как, впрочем, и любой другой свободный кусочек земли во дворах, были заняты машинами. Теперь жестяные коробки, а не дети, разговорчивые старушки или играющие в домино мужики жили в этих дворах. Подъезд тоже облупился и постарел, но лифт, к нашему счастью, работал.

Дверь в заветную квартиру моей тети Риты открылась, и я погрузилась в мир цветов, запахов, эмоций и образов прошлого.

Все свои школьные и студенческие каникулы я проводила здесь. И тетушки Рита и Настя, две закадычные подружки, по очереди таскали нас с кузеном Владом по всему Ленинграду, в Пушкин, Павловск, Петергоф, в театры, зоопарк, на дачу в Сестрорецк и на озеро Красавица. Я обнялась со своим братом и его женой Ольгой.

— Дорогие мои, у меня обонятельные галлюцинации или действительно пахнет свежеиспеченным хлебом? — поинтересовалась Анастасия Валерьевна, передавая Оле зонтик и шляпу. — Неужели ты, Оленька, теперь не только песочные корзиночки делаешь, но и хлеб печешь?

Статная, русоволосая и румяная Ольга заулыбалась и стала степенно объяснять:

— Да это Владу к юбилею на работе хлебопечку подарили, вот я и опробовала ее сегодня, так что с почином!

— А что это за история с корзиночками, почему не знаю? — заинтересовалась я.

— Это, сестричка, не знать, а видеть и есть надо. Смотри, — гордо произнес Влад и распахнул дверь в большую комнату, где высилась целая пирамида из пирожных в виде корзиночек, наполненных цукатами, свежими ягодами и цветами из крема. — Теперь у нас нет проблем с подарками к праздникам, все — и большие, и маленькие — просят Олюшку принести ее фирменных пирожных. Вот только я страдаю, поправляюсь, с ума ж сойти можно от такой вкуснятины! Прощу к столу, очень долгожданные гости, — протянул Влад слово «долгожданные», — проголодались небось, по Питеру расхаживая? Как добрались до нас?

— На перекладных, ехали сначала на метро до площади

Ленина, а потом на автобусе. Ты же знаешь, тетю Настю нельзя уговорить взять такси. В автобусе Анастасии Валерьевне такой интересный дядька место уступил, настоящий трибун. Еще бы пару остановок — и все пассажиры готовы были бы идти вместе с ним на баррикады! — рассказывала я, удобно устраиваясь напротив блюда с желе свекольного цвета, где разместилась большая фаршированная рыба.

— Знаешь, Пропажа, — повернулась ко мне тетя Настя, — я помню, как меня учили в детстве, что за столом надо беседовать только о хорошем, поэтому ни о политике, ни о религии, ни о болезнях говорить мы не будем. Крайне вредно для пищеварения! Будем вспоминать! Кстати, Пропажей ведь тебя назвала мама Влада, Маргарита Николаевна. Любопытная ты была очень в детстве. Как тебе что-нибудь понравится или заинтересует — ты тут же останавливаешься и не отвечаешь ни на какие вопросы, как будто пропадаешь. Вот поэтому и Пропажа!

— Это точно, сестренка, выпадать из общения ты любишь, если чем-то интересным занята! — пошутил Влад, разливая по бокалам шампанское.

— С днем рождения тебя, братишка! С днем рождения тебя, Владенька! С днем рождения тебя, любимый! — поздравляли мы юбиляра.

— Знаешь, сестренка, я здесь ко Дню Победы фильм сделал из старых дедовых фронтовых фотографий, документов, аудиозаписей. Не рассказывал он нам с тобой про войну, медалями и орденами не дорожил. Помню, как мы, маленькие, играли с ними, в песок закапывали, «секретики» делали, у нас с тобой самые здоровские «секретики»

были. «Страшное дело война, грязное и ненужное, что о нем рассказывать. Живым надо жить и радоваться жизни, а не детишек непонятными для них страшилками пугать», — говорил он. Ордена и медали никогда не носил и от группы инвалидности после войны отказался. «Какой я инвалид, я живой, здоровый мужик. Инвалиды — это те, кто без рук и без ног, а у меня только одна нога короче другой, да с десятков осколков по телу гуляют, а у кого их нет, кто с фронта вернулся», — помнишь, как, шутя, отчитывал он бабушку, когда та сетовала на то, что инвалидность ему положена и пенсию можно было бы оформить побольше... Ну, давайте теперь фильм смотреть, — оборвал воспоминания Влад и щелкнул кнопкой телевизионного пульта.

На экране замелькали кадры любительской семейной хроники. Сидим мы все вместе за столом, под усыпанной цветами яблоней — белым наливом. И мой дедушка, такой высокий и красивый, с самыми сильными и надежными руками на свете, поздравляет мою маму с днем рождения. Его голос звучит немного с хрипотцой:

— Моя дочь родилась 9 мая, в День Победы, точнее, победа родилась в ее день рождения. Если моя дочка счастливая, то я выживу, повторял я много раз. Помню, лежим в окопе, а сверху поливает немецкий мессершмитт, а я как молитву повторяю слова: «Если моя дочка счастливая, то я выживу... Если моя дочка счастливая, то я выживу... Если моя дочка счастливая, то я выживу...» Так и выжил один из всего взвода с именем дочери на устах. Счастья тебе, доченька!

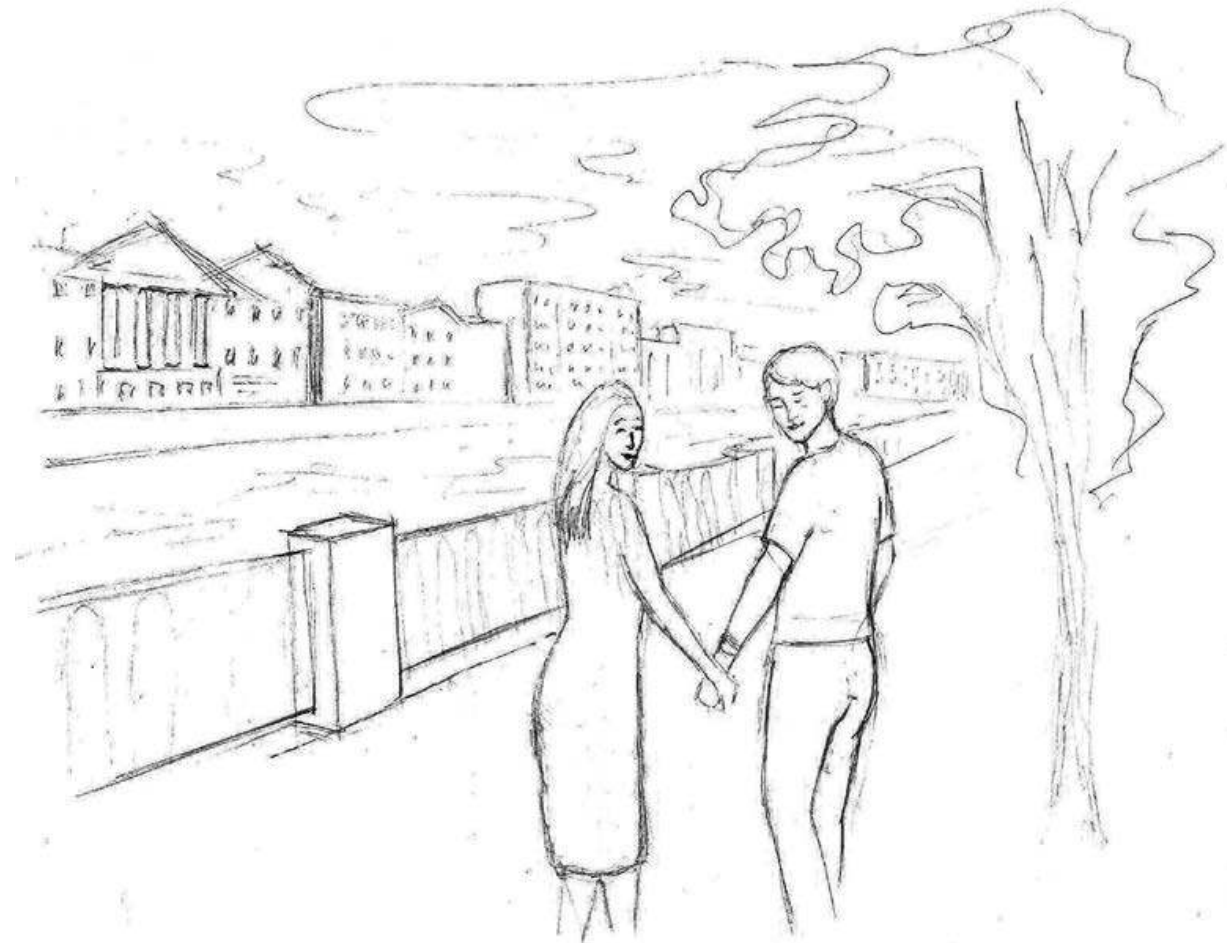
Потом шли фотографии из старого семейного альбома и совсем

незнакомые страницы и фото, переснятые из личного дела деда, альбомов его друзей, наших родственников, из военных газет и архивов. Вот дед запечатлен в дверях военного эшелона, а здесь он снят при вручении ордена Красной Звезды. А это он прислонился к стене Рейхстага рядом с написанной им мелом своей фамилией. Дальше фильм зазвучал голосом моей мамы.

— Я хорошо помню первый день войны, — рассказывала она. — Тепло, солнце яркое-яркое, я прибегаю с приднепровского луга и кричу: «Папа, мама, смотрите, какую я красивую бабочку словила!» А мои родители стоят с мертвыми, вытянутыми лицами и повторяют только одно

слово: «Война, война...» И мне стало так страшно-страшно. Но мы, дети, не плакали, мама не плакала — и мы не плакали. Папа пошел в военкомат, но скоро вернулся, его оставили в тылу для организации партизанского подполья. Он сразу стал собирать нас в дорогу. Привел две лошади, мама подрезала им жилы на ногах, чтобы они хропали и военные не отняли их у нас для своих нужд — тащить орудия или перевозить раненых. Потом папа проводил нас на телеге за город, а сам вернулся. Все знали, что немцы расстреливают семьи коммунистов и евреев, а папа был членом партии с 1928 года, нам надо было уезжать. Мы добрались с нашими отступающими

войсками до Дона, переправу бомбили немцы. Военную технику и лошадей перевозили через реку на пароме, красноармейцев — на лодках, беженцев же не переправляли вовсе. И тогда моя мама, ваша бабушка, пошла к командиру переправы и сказала: «У вас сильные бойцы, они хорошо гребут, но лодками управлять не могут, поэтому лодки переворачиваются и много красноармейцев гибнет. Я буду править лодкой столько, сколько надо, а вы переправьте подводу с моими детьми на пароме». Нас перевезли через Дон, а ваша бабушка под бомбежкой переправляла красноармейцев через реку. Она управляла лодкой все время, пока работала пере-

права, а потом мы ушли за реку вместе с отступающими войсками. Помню, когда командир переправы спросил мою маму, не было ли ей страшно, она ответила: «Было, но я повторяла все время: “Если мои дети счастливые, то я живу...”»

— Аресты коммунистов на оккупированной территории начались сразу же. Никаких навыков подпольной работы у них не было, — продолжала рассказывать моя мама, — но дедушке все же удалось уйти из города. Он хорошо знал лес и в одиночку перешел линию фронта. Ему повезло — его не расстреляли за невыполнение задания, утрату личных документов и партбилета, а разжаловали в рядовые и отправили в штрафной батальон. Потом ранение и разведзвод, с которым он старшиной дошагал до Берлина и расписался на Рейхстаге. Три ранения, одна контузия, более тридцати походов за линию фронта.

На экране появился портрет моей мамы с букетом раннего жасмина, я хорошо помнила, что это фото было сделано 9 мая сорок пятого года. Сколько же счастья и радости было в ее глазах! Дальше пошли послевоенные кадры, а мамин голос продолжал рассказывать:

— 9 мая 1945 года я прибежала в школу очень радостная и счастливая, с букетом жасмина, ведь мне исполнилось пятнадцать лет, а все вокруг кричат: «Победа, Победа!!!» Обнимаются, целуются, танцуют. А наша учительница горько плачет, ее муж погиб. Да, война кончилась, и мы стали ждать папу. Единственного оставшегося в живых мужчину из всей нашей семьи. Два брата моей мамы и мужа ее четырех сестер погибли, а ее отец умер от тифа

после концлагеря. Мы счастливые с братом, самые счастливые в нашей семье — наши папа и мама остались живы! Так и живем счастливыми, и вы у нас счастливые, дети дорогие, потому что родились после этой страшной войны.

Фильм закончился, а мы с Анастасией Валерьевной и Олей вытирали слезы.

— Спасибо тебе, Влад, за такой замечательный подарок в день твоего рождения. Я очень хорошо помню наших бабушку и дедушку. Они были красивыми и добрыми людьми, подарившими нам с тобой удивительное детство в доме на берегу Днепра. О войне рассказывали очень редко и крайне неохотно. А вот о послевоенном — частенько, помню, мне бабушка рассказывала, что твой папа был страшным хулиганом. Как-то нашел он где-то гранату и бросил ее в школьный туалет. Хорошо, что сортир был во дворе школы и никто не пострадал. После чего моего любимого дядюшку исключили из школы, а тут и наш дедушка вернулся с фронта и серьезно пообщался с сыном. Сесть на мягкое место твой папочка, дорогой братец, не мог неделю, зато сразу стал хорошо учиться, — продолжила я вечер воспоминаний.

— В этом году многие возьмут портреты своих близких и выйдут на Невский, чтобы принять участие в акции «Бессмертный полк», но мы, ленинградцы, пойдем на Пискаревку. Наш не то что полк, а почти целый город остался там лежать навеки, поэтому мы мало рассказываем фронтовых историй на семейных обедах в День Победы, все больше молча едим хлеб и пьем горькую. Да и орденов, как, впрочем, и военных фото, в семейных архивах у нас почти нет, — за-

думчиво промолвила тетя Настя, привычно сметая крошки хлеба со скатерти в ладонь и высыпая их в рот. — Это в книжках война и Победа — общая, а по жизни она у каждого была своя. Помню, крестная моя, тетя Маруся, жившая в селе под Вологдой, мне рассказывала, что в советское время 9 мая отмечали у них тихо, в основном просто убирали избы, накрывали столы и поминали всех: и тех, кто не вернулся с фронта, и тех, кто помер с голодухи или, придя с войны, от ран и пережитого. Вдовам погибших солдат выдавали такие книжечки с отрывными листами, я так понимаю, это были талоны какие-то или квитанции, но крестная называла их отрывными листами. И раз в месяц на почте можно было получить по такому листу три рубля. Сейчас, по давности лет, я уже не помню, за что государство платило такие деньги, но знаю, что иногда это были единственные деньги в семье, так как в колхозах на трудодень начислялись только слезы и палочки в тетрадке бригадира.

— Простите, но я в День Победы не пойду ни на Невский, ни на Пискаревку, — тихо сказала молчавшая до сих пор Ольга, — я поеду на Серафимовское кладбище, мои все там. Моя бабушка, жена бригадного генерала Красной армии, не эвакуировалась и осталась в блокадном Ленинграде, чудом выжила с годовалым ребенком на руках, променяв все ценности на продукты. Она очень мало рассказывала об этом чудовищном ужасе и всегда горько плакала. Все родные и близкие ее друзья погибли, и на Пискаревку она никогда не ходила.

За столом повисла тишина. Каждый думал о своем. В реальность меня вернул звонкий голос хозяйки дома:

— Дорогие гости, наступило время сладкого, зажигаем свечи, поздравляем именинника, никуда не спешим, поскольку обязательно поедом в Казанский собор, пройдем крестным ходом, а потом посмотрим на развод мостов! Возражения есть?

Мы отвезли Анастасию Валерьевну домой, поставили машину на набережной Мойки и поспешили в Казанский собор. Народу там было много, но не настолько, чтобы нельзя было войти, помолиться и зажечь пасхальную свечу. Вокруг меня создался какой-то непонятный круговорот подтянутых молодых людей в костюмах, принесший меня прямо к митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Варсонофию, который шествовал вместе с губернатором Санкт-Петербурга Георгием Сергеевичем Полтавченко во главе крестного хода. Вот так я, по промыслу Божию, и прошла вместе с особо значимыми людьми города крестным ходом вокруг Казанского собора.

— Христос воскрес! Христос воскрес! Христос воскрес! — раздавалось со всех сторон.

Прихожане целовались, поздравляли друг друга и зажигали красные праздничные свечи. Помолвившись еще немного и приобщившись к благодати и к власти, мы направились смотреть развод Дворцового моста.

Когда часы на моей руке показали один час двадцать пять минут пополуночи, створки моста дрогнули и поползли вверх... Задохнувшись от соприкосновения с этим ночным чудом, я смотрела, как распахнутая пасть Дворцового моста проглатывала баржи, идущие по Неве.

По улицам ночного города гуляли люди, целовались, поздравляли друг друга с праздником, несли свечи с пасхальным огнем, пели и смеялись. Никогда не спящий город отмечал и радовался Воскресению Христа!

Вволю нагулявшись по ночному Санкт-Петербургу и насмотревшись на светлые и смеющиеся лица петербуржцев, я уснула в отеле. Разбудил меня марш «Прощание Славянки», а за ним знакомые с детства слова другой песни въехали в мой мозг: «Марш, марш вперед, рабочий народ!» Выглянув в окно, я увидела, что по Невскому растянулась Первомайская демонстрация. Сперва прошли представители ЛДПР, потом проследовали коммунисты с примкнувшей к ним группой лиц с плакатами «Партия ЖКХ», за ними вышагивали члены «Справедливой России». Заметно оживляли демонстрацию лимоновцы со своими знаменами с изображениями лимонок. В конце колонны демонстрантов двигалась молодежь

на самокатах, одетая в карнавальные костюмы, веселая и креативная, с плакатами «Пока вы строите империализм — мы строим будущее!».

Раздался телефонный звонок, это опять звонил мой американский приятель Макс:

— Дорогая, ну и веселый этот русский народ! Посмотри на часы, только десять часов утра, а уже пьяненькие ряженные под музыку гуляют по Невскому проспекту. Впереди Ленин с флагом, а за ним другие клоуны с плакатами и шарами!

Ну и что в этом случае можно объяснить иностранцу?

— Да, карнавал с утра, ну и что? А когда вы все пьяные «якобы ирландцы» в день Святого Патрика в дурацких зеленых шапках красите воду рек в зеленый цвет, так это ничего? — стала я напирать на Макса, устав оправдываться и объяснять ему наши традиции.

— Ты чего такая злая с утра?! Мне нравятся карнавалы, только объясни мне, какая тема этого веселья и в кого надо наряжаться. Может, я тоже хочу поучаствовать! — миролюбиво звучал Макс.

— Сшей себе костюм тачанки с пулеметом на голове! — пробубнила я по-русски и повесила трубку.

Продолжение следует.

США

